

Изображение обнаженных женщин возле лутерия—не редкий сюжет в красно-фигурной живописи и на других памятниках античной эпохи. Чаще всего около лутерия изображается Афродита, совершающая свой туалет в обществе граций. Но встречаются и просто бытовые сцены, взятые из реальной жизни: молодые женщины при помощи служанок-рабынь совершают омовение в лутерии, натираются маслом, делают прически и т. п.

Несомненно, что и на херсонесской мозаике изображена сцена омовения и совершения туалета двух молодых женщин, находящихся в бане. На это указывают наличие лутерия, наиболее частым назначением которого было служить вместилищем для воды, и позы самих женщин. Таким образом, сюжет мозаичного пола тесно связан с назначением помещения: сцена омовения была изображена в бане.

К какому времени относится мозаика? Материал для решения вопроса имеется и теперь достаточный. При раскопках помещения, где открыта была мозаика, найдена эллинистическая керамика III—II вв. до н. э.: фрагменты чернолаковой посуды, блюда, миски и массивные лутерии (последние, с широкими носиками, могли употребляться в бане при омовении), амфоры, черепицы (калиптеры и солены), большей частью синопские. На полу найдены, кроме того, железные и медные гвозди; бронзовые монеты, из них две херсонесские, относятся к митридатовой эпохе, к концу II—началу I в. до н. э. В насыпи цистерны были найдены: амфорные родосские ручки с клеймами; кувшины с орнаментами в виде полос белого, коричневого и красного цвета; фрагменты чернолаковой посуды; фигурный сосуд в виде лежащего быка, горло его с ситечком, покрыт черным лаком; фрагменты чернофигурного и краснофигурных сосудов и др. Насыпь в цистерне найденными в ней предметами датируется, таким образом, III—II вв. до н. э. Предметов позднее II в. до н. э. ни в цистерне, ни в помещении с мозаикой не найдено. Перечисленные предметы и монеты свидетельствуют, что помещение, цистерна и весь дом в целом перестали существовать в конце II—начале I в. до н. э.

Таким образом, возникновение дома (как и других зданий в раскопанном квартале) относится ко времени не ранее середины IV в., скорее всего к концу IV—началу III в. до н. э. Возможно, что помещение с мозаичной вымосткой было построено несколько позднее основного здания, так что мозаичный пол может относиться к III—II вв. до н. э. По сравнению с ольвийской мозаикой, которую Б. В. Фармаковский относил к первой половине II в. до н. э., херсонесскую мозаику возможно отнести к тому же времени.

Установление более точной даты, а также разрешение стилистических особенностей, выяснение ближайших аналогичных памятников, к кругу которых относится херсонесская мозаика, и другие вопросы, с нею связанные, должны найти свое место и разрешение в специальном исследовании.

Настоящая заметка имела целью познакомить читателя «Вестника древней истории» с замечательным, а для античного Херсонеса уникальным открытием. Оно, конечно, порадует всех интересующихся далеким прошлым Крыма.

Г. Белов

Обзор археологических работ в 1937 г. ¹

Полевые археологические исследования, широко развернувшиеся в нашей стране в послереволюционное время, в 1937 г. охватили громадную территорию от Баренцова моря до Грузии и от Смоленска до Байкала. Имея одну общую цель—изучение на месте

¹ Обзор археологических работ московских археологов см. «Вестник древней истории» № 1(2).

древних памятников, являющихся неисчерпаемым источником для познания древней истории нашей родины и народов, ее населяющих, археологические работы организуются не всегда по одним и тем же причинам. В одних случаях они вызываются необходимостью получения новых материалов, без которых нельзя достаточно полно и правильно осветить тот или иной исторический период, т. е. вызываются требованиями научной проблематики, в других—археологическое изучение ставится в целях охраны памятников. На всех наших крупных новостройках, как Днепрострой, Москва-Волга канал, метро, Большая Волга, Манычстрой и т. п., производились и производятся археологические работы, дающие часто материалы исключительной научной ценности.

Какие бы, однако, причины ни вызывали полевые археологические работы, ими вводятся в научный оборот каждый год все новые и новые данные, все больше приближающие нас к тому времени, когда мы с полной уверенностью приступим к написанию подлинной истории тех древних периодов в жизни СССР, для которых вещественные памятники являются часто единственным источником.

Наш обзор археологических работ, произведенных в 1937 г., не является исчерпывающим, во-первых, потому, что по значительному числу работ обзор дан ранее, и, во-вторых, потому что по разным причинам мы лишены возможности дать сведения о некоторых произведенных работах. Объединив оба обзора и учтя, что в них не нашли своего отражения такие крупные раскопки, как, например, производившиеся в Термезе (Узбекской ССР), Ниссе (Туркменской ССР), Колхиде (Грузинской ССР) и некоторые другие, можно убедиться в том громадном размахе, который получили полевые археологические работы в нашей стране.

Хотя было бы целесообразнее, быть может, расположить сведения, помещаемые в обзоре, по хронологическим признакам, но ввиду того, что многие из произведенных работ имели своими объектами разновременные памятники, часто все же между собою связанные, мы систематизируем их по территориальным признакам, т. е. сначала помещаем сведения о работах, произведенных на севере Европейской части Союза, затем в центральной части, далее на юге, на Кавказе, в Крыму и т. д.

В северной части Кольского полуострова, на Рыбачьем полуострове, были проведены под руководством Б. Ф. Землякова работы по изучению памятников каменного периода, главным образом так наз. арктического палеолита. На поверхности галечных пляжей и береговых валов было обнаружено и обследовано 9 стоянок. Собранный материал является характерным для этих древнейших памятников Крайнего Севера, известных по работам норвежских исследователей. Среди находок преобладают крупные орудия из кварца архаической техники, как массивные ручные рубила, скребла, остроконечники и др. Кроме них, имеются мелкие орудия: различных типов резцы, скребки, проколки, пластины с подправленным краем, наконечники стрел, выработанные из кремня, роговика, молочного кварца и горного хрусталя.

Исследователь датирует эти памятники по геохронологической шкале Де-Геера VIII—VI тысячелетием до н. э. и считает их древнейшими следами человека на севере СССР.

Кроме памятников арктического палеолита, на Рыбачьем полуострове были открыты неолитические стоянки и сооружения из валунов типа Беломорских лабиринтов.

В 1937 г. были продолжены под руководством В. И. Равдоникаса раскопки неолитического могильника на Южном Оленьем острове на Онежском озере, начатые в предыдущем году. На могильнике было вскрыто свыше ста погребений с обильным и интересным инвентарем. Костяки лежали в неглубоких ямах и были густо покрыты красной краской—охрой. Они сопровождались орудиями из кремня, сланца, песчаника, кости и рога. В большом количестве находимы были при костяках украшения из зубов животных—клыки медведя, резцы лося и бобра. Кроме того, в некоторых погребениях были обнаружены скульптурные изображения, как, например, головки лося, человеческие

фигурки и т. п. Могильник на Оленьем острове является памятником исключительного значения и богатым источником для изучения истории первобытного общества нашего Севера.

В Новгороде, кроме продолжения систематических раскопок на Славне, в 1937 г. были начаты исследования на площади Ярославова дворища, имеющего особое значение, так как здесь собиралось обычно вече. Двумя раскопами, общий размер которых равнялся 150 кв. м, был обнаружен ряд одновременных культурных наслоений. На различных глубинах были открыты пять деревянных настилов дорог, из которых два нижние относились к XII—началу XIII в. На глубине 1 м был открыт слой, включающий огромное количество (собрано до 5 тонн) костей животных, почти исключительно челюстей коров, редко свиней. Можно предположить намеренное сосредоточение в данном месте костей с целью замощения площади.

Интересен факт нахождения остатков сгоревшего здания, под развалинами которого погиб человек (найден был полуобгоревший костяк). Сохранилась подземная часть постройки в виде сруба размером 3 м × 3 м, состоящего из 12 венцов. Внутрь этого подполья обвалились камни и кирпичи печи и некоторые предметы, находившиеся в надземной части строения. Внутри сруба были найдены два деревянных масляной жомы, несколько десятков глиняных сосудов особой формы с закрытым верхом, с небольшим отверстием, затыкающимся деревянной пробкой, вероятно, служивших для хранения масла, конопляное семя, корзины, плетенные из лыка, остатки кожаной обуви и пр. Постройка датируется XVI в. Особый интерес представляют остатки погребений—трупосожжений, открытых ниже культурного слоя. Судя по характеру сопровождавшей их керамики они относятся к X в. Обряд погребения через трупосожжение свидетельствует об их дохристианском характере.

П. Н. Третьяковым в Верхнем Поволжье были проведены большие работы как разведочного, так и раскопного характера в районе р. Нерли—г. Калязина—г. Углича. У д. Синятино было произведено исследование стоянки, находящейся на дюнных всхолмлениях, расположенных между Волгой и Нерлюю. Стратиграфическое изучение дюн убедило в их весьма древнем возрасте и дало возможность датировать в пределах относительной хронологии культурные остатки, залегающие в дюнных образованиях. Находки, сделанные на этом памятнике, выражаются исключительно в кремневых изделиях и остатках их выработки—нуклеусах и отщепках. Среди орудий—наконечники стрел, резцы, скребки и др. Формы орудий, в особенности кремневых наконечников стрел, изготовленных из ножевидных пластин, подправленных ретушью, свидетельствуют об эпилеолитическом возрасте стоянки.

Затем было обследовано несколько городищ Дьякова типа: в устье р. Нерли у д. Синятино, на берегу р. Нерли в 2,5 км выше ее устья и в д. Старое Городище, на левом берегу Волги, в 3 км ниже устья ее притока р. Медведицы. Из них на последнем были поставлены раскопки, позволившие установить наличие на городище двух культурных напластований; нижний слой датируется серединой I тысячелетия до н. э. и верхний—концом I тысячелетия до н. э. и первыми веками н. э. В нижнем слое были найдены многочисленные поделки из кости: острия, иглы, ножи, наконечники стрел, гарпуны, составная острога, а также ряд грубых кремневых орудий, преимущественно скребков; кроме того, небольшие ручные зернотерки, песты, точильные камни и много обломков богато орнаментированных глиняных сосудов. Металлических предметов почти нет—найден лишь маленькое бронзовое кольцо и обломок железного стержня. В верхнем слое находки имели иной характер: железные изделия и шлаки, бронзовые украшения, льячки, а также предметы из кости—рукоятки ножей, кочедыки, наконечники стрел и пр. Среди костей животных, как обычно на городищах этого типа, на первом месте стоят кости лошади, затем в количественном отношении идет свинья, бык и овца; среди костей диких животных преобладают кости пушных зверей—бобра, куницы и т. п.

В 5 км выше г. Углича, на правом берегу Волги при впадении в нее Грехова ручья, в ранее известной группе курганов было раскопано 15 курганов, давших погребения XI—XII вв., сопровождавшиеся железными ножами, пряжками, бусами, височными Кольцами, браслетами, перстнями, иногда глиняными сосудами.

В г. Калинин под руководством М. П. Петровой и при участии Н. П. Милонова были проведены в порядке охраны памятников на новостройках археологические обследования на месте Загородного и Заволжского посадов б. Тверского кремля. На месте Отроча монастыря (строительство речного вокзала и Дома советов) были обследованы остатки каменных зданий, в частности подземная камера, где по преданию был заключен и умерщвлен митрополит Филипп. Камера представляет из себя помещение площадью 30 м × 15 м, крытое коробовым сводом. В стене, обращенной к Тверце, была обнаружена арочка, которая определена, как окно подземелья, выходившее в особый приямок, позже засыпанный землей. Изучение строительных частей и материалов убедило в принадлежности этого здания к началу XVI в. На месте б. Ильинской церкви, у алтарных абсид, был обнаружен склеп, содержавший два погребения в колодах, относящихся к XVI в.; за пределами склепа были открыты еще два погребения, также в колодах. На местах строительства был сделан ряд находок, относящихся преимущественно к XVIII в. На месте б. Скорбященской церкви был найден клад медных и серебряных монет XVIII в.

В другом древнерусском феодальном центре—во Владимире—были продолжены начатые в 1936 г. раскопки под руководством Н. Н. Воронина, имевшие целью изучение остатков стен и ворот детинца, а также его двора. За два года была вскрыта площадь в 400 кв. м. Фундаменты ворот детинца залегали на глубине 3,5 м от уровня современной почвы, от него сохранилось несколько рядов камня. Примыкающая к воротам стена толщиной 0,90—1,20 м в своей восточной части была сложена из белого камня, а в западной—из ноздреватого туфа. Найдены многочисленные обломки декоративных деталей надвратной церкви: резные камни, части фриза, поливные плитки полов, кубики мозаики и др.

Раскопка части двора детинца вскрыла культурный слой XII—XIV вв. В нижнем горизонте было обнаружено подполье сгоревшей еще до постройки детинца избы, где были найдены остатки воска, проса, льняного семени и многочисленные кости диких и домашних животных. Кроме того, были найдены ручные жернова, коса-горбуша, эмалевый крест и часть таких же накладок, замки, ключи, стеклянные цветные перстни и значительное число резной кости. Среди обломков глиняной посуды многие несут на себе разнообразные клейма.

Кроме работ в г. Владимире, была произведена разведка Осовецкого городища, находящегося на левом берегу р. Клязьмы, близ с. Погост, Собинского района, Ивановской области. Городище относится к XII в. и имеет слабо насыщенный культурный слой.

В той же области, на территории древнего кремля г. Суздаля, были произведены раскопки под руководством А. Ф. Дубынина, продолжавшего свои работы, начатые в 1936 г. Стратиграфическое изучение культурных напластований в кремле позволило выделить в них три разновременных культурных горизонта: нижний, мощностью 0,30—0,40 м, датируется X—XIV вв., средний—также около 0,40 м, относится к XIV—XVII вв. и верхний, около 0,70 м,—к XVII—XIX вв. В 1936 г. было открыто в кремле древнее жилище земляночного типа, исследование его было закончено в 1937 г. Землянка состоит из двух частей: одной—квадратной, размером 6 м × 6 м, и примыкающей к ней второй—полукруглой формы, размером 2,50 м × 4 м. В первую часть землянки ведет вход и в ней же в центре находится подполье, во второй, полукруглой части был очаг. Землянка углублена в грунт на 1 м, глубина подполья—1,30 м от пола землянки. Находки, сделанные в жилище, позволяют отнести его к концу X—началу XI в. Рядом с этой

землянкой была открыта вторая, размером 4,60 м × 4,85 м с очагом посередине, с входом с южной стороны. В этой землянке были обнаружены нары с деревянным настилом, возвышающиеся над полом на 0,50 м. Около нар найдены остатки плетня, шедшего, повидимому, вдоль стен, а в углах—столбы, которые поддерживали перекрытия. Датируется вторая землянка более поздним временем, чем первая, концом—XI началом XII в. Кроме землянок, на той же площади удалось установить несколько жилых комплексов в виде остатков срубных домов и других построек, относящихся к более позднему времени.

Тем же исследователем были произведены раскопки курганов у с. Михайлова Строна, Суздальского района, и у с. Зиново, Тейковского района, Ивановской области. В каждом из этих пунктов было вскрыто по одному кургану из находящихся здесь групп. В обоих случаях были открыты женские погребения, сопровождавшиеся украшениями: височными кольцами и перстнем. Погребения характерны для владими́ро-суздальских курганов и могут быть датированы XII в.

В Воронежской области на Дону продолжала свои многолетние работы палеолитическая экспедиция под общим руководством П. П. Ефименко. Ею был открыт и изучен ряд палеолитических стоянок в районе Костенки-Боршево. В 1937 г. под руководством А. Н. Рогачева были проведены работы на двух памятниках—в колхозе им. Тельмана и Костенки IV. На тельмановской стоянке было вскрыто около 80 кв. м. В раскопке были обнаружены остатки жилища в виде полуземлянки округлой формы, 5,5 м в диаметре, углубленной на 0,70 м. Яма была заполнена культурными остатками, часть которых, как, например, крупные кости мамонта, повидимому, попала в яму с перекрытия жилища. Посередине его была открыта очажная яма 0,80 м в диаметре. Как в заполнении жилой ямы, так и в окружающем ее культурном слое собрано значительное количество кремневых и костяных орудий; из последних обычными являются ложила и проколки. Что касается кремневого инвентаря, то наиболее интересными представляются лавролистные наконечники копий, изготовленные с помощью характерной солотрейской ретуши; кроме того, в состав инвентаря входят орудия на широких пластинах и отщепях, близкие по форме к мустьерским остроконечникам и скреблам. Эта стоянка определяется, как наиболее древний памятник верхнего палеолита [среди костенко-боршевских стоянок.

На стоянке Костенки IV, относящейся к раннемадленскому времени, была вскрыта площадь до 400 кв. м. В слое лёссовидного суглинка на глубине 1,50 м были обнаружены следы крупного жилого комплекса, состоящего из трех отдельных жилищ. Их остатки имеют вид неглубоких, овальной формы ям, которые, будучи вытянуты почти по прямой линии с запада на восток, прикасаются концами одна к другой. Западная яма имеет длину в 14—15 м при ширине 5—6 м, средняя и восточная—длиной 9 м, при той же ширине. В этих остатках жилищ обнаружено 10 очажных ям округлой формы, 0,60—0,70 м в диаметре, заполненных массой черного углистого цвета. В культурном слое стоянки собрано большое число кремневых орудий—пластинок с притупленным краем и пластинок с притеской концов, а также скребков, резцов и других форм, обычных для стоянок этого типа.

На Урале, в районе Кама—Чусовая, продолжала свои работы экспедиция под руководством Н. А. Прокошева. Начиная с 1932 г. здесь непрерывно велось изучение памятников на территории строительства Камской ГЭС. В 1937 г. были закончены исследования ряда памятников, имеющих большое научное значение. Так, закончены раскопки расположенного близ устья р. Чусовой Конецгорского селища, относящегося к концу ананьинской эпохи. Здесь исследованы остатки древнего жилища типа длинного дома, а также собран большой вещественный материал, характеризующий хозяйство древних обитателей селища. Интересны небольшие глиняные антропоморфные статуэтки.

Также у устья Чусовой на берегу озера Грязного было продолжено изучение поздне-неолитической стоянки, где была вскрыта площадь в 480 кв. м. Были исследованы остатки четырех жилищ—полуземлянок, четырехугольной формы, пол которых находился на глубине 1,30—1,40 м от уровня современной почвы. На полу жилищ были обнаружены очаги, вокруг которых были найдены каменные молоты и кирки, кремневые наконечники стрел, скребки и ножи.

На берегу р. Чусовой были произведены раскопки двух пещер. Одна из них—Камня Бычки—служила в VII—VIII вв. н. э. жильем охотников, на что указывает большое количество костей лося, косули, северного оленя и др. В культурном слое пещеры, кроме костей, были найдены две литейные формы, серебряные и бронзовые украшения, иглы и пр. Особый интерес представляет другая пещера—Камня Дыроватого, определяемая, как особого рода жертвенное место. В ней найдено свыше 4 000 наконечников стрел из камня, кости, меди и железа. Ввиду исключительно трудного доступа к пещере исследователь считает возможным утверждать, что стрелы могли в нее попасть в результате выстрела снизу, с берега р. Чусовой, и что это свидетельствует об известном обряде, существовавшем долгое время в среде местного охотничьего населения.

Последним из изучавшихся памятников было Роданово городище на Верхней Каме. На нем удалось установить наличие двух культурных слоев—нижнего, IX в., и верхнего—XI—XII вв. Были открыты остатки жилищ с глинобитными печами и ямами для хранения запасов. Многочисленный вещественный материал позволяет реконструировать быт древних насельников этого городища. Из отдельных находок следует отметить костяные резные ложки с ручками, украшенными головками животных, и литейные формочки, среди которых имеются служившие для отливки подражаний диргему.

В более южной части Урала, в Челябинской области, были произведены археологические работы под руководством К. В. Сальникова. На берегу озера Кысы-Куль, в Миасском районе, исследовалось древнее поселение, на площади которого было открыто 244 кв. м. Культурный слой залегал на глубине 0,25—0,40 м и содержал предметы, характерные для времени, переходного от неолита к бронзовой эпохе. Керамика представлена круглодонными сосудами с примесью талька, орнаментированными гребенчатым чеканом и резными и ямочными узорами. Среди орудий труда преобладают каменные грубообитые рубила, ножевидные пластины, листовидные наконечники стрел, скребки разных форм, резцы, отбойники; другие поделки из камня—песты, куранты, шлифовальные камни, рыболовные грузила. Металлические изделия представлены лишь одним медным ланцетовидным ножом. Совокупность этих находок позволяет автору датировать стоянку первой половиной II тысячелетия до н. э. Памятники этого рода до настоящего времени были неизвестны в области Южного Урала.

Не менее интересный памятник—городище «Чудаки»—был исследован той же экспедицией близ с. Горохова, Юргамышского района. Городище имеет овальную форму и защищено двойной линией валов со рвом между ними. На городище ведут «ворота» в 6 м шириной. Вся площадь городища достигает 7 500 кв. м. К этому основному укреплению примыкают три площадки, также ограниченные валами и рвами, что составляет вместе с основным городищем сложное укрепление с общей площадью до 20 000 кв. м. Культурный слой имеет небольшую мощность—около 0,20 м—и насыщен остатками, среди которых преобладают кости животных, преимущественно домашних—лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Среди остатков сосудов устанавливаются формы с округлым дном и высокой горловиной, реже сосуды баночной формы и блюда. Орнаментированы сосуды редко, обычно по венчику и плечикам. Из остальных находок можно отметить бронзовые трехгранные наконечники стрел, ручные жернова, точильные плиты, каменные грузила, глиняные пряслица, костяные тупики и другие поделки.

На площади городища обнаружены были остатки жилищ в виде полуземлянок, площадью около 35 кв. м, с выходом, обращенным к центру поселения; на дне жилищ открыты очаги и следы столбов, поддерживавших крышу. Сопоставляя материалы, полученные из раскопок городища, с таковыми же, известными из курганов этого района, исследователь склонен относить это поселение к последним векам до нашей эры и связывать его с сарматской культурой.

Тем же исследователем были произведены раскопки в западной части Оренбургской области. В курганной группе, расположенной близ с. Погромного, были исследованы два кургана. Оба они дали погребения бронзовой эпохи; в одном кургане (№ 4) было обнаружено семь погребений, в другом (№ 5)—одно. В большинстве случаев костяки находились в грунтовых ямах, покрытых накатниками из бревен. Погребения сопровождались костями животных—коровы, овцы—и глиняными сосудами; при одном из костяков были найдены бронзовые спиральные височные кольца, одно из которых было обложено золотом. Костяки, как правило, лежали на левом боку в скорченном положении, с руками у лица; в некоторых случаях наблюдалось присутствие красной краски и мела. Как исключение, рядом с погребениями-труположениями, было встречено одно, совершенное через трупосожжение,—факт хотя известный для данного времени, но редко встречающийся в этом районе. Интерес этих раскопок заключается в том, что как в обряде погребения, так и в могильном инвентаре устанавливаются черты, общие для погребений так наз. хвалынского типа с таковым же андроновского, что определяет Оренбургские степи, как место стыка этих двух культур.

В Сталинградской области, по нижнему течению р. Иловли, были проведены под руководством И. В. Синицына работы по выявлению и исследованию памятников этого малоизвестного в археологическом отношении района. Кроме общего обследования, были произведены раскопки 14 курганов близ ст. Иловлинской и хутора Авилковского. В курганах было вскрыто и изучено 23 погребения, относящиеся к разным эпохам. Больше половины общего числа исследованных погребений относится к бронзовой эпохе. Из них два погребения в глубоких грунтовых ямах относятся к более раннему времени, чем остальные, находившиеся в насыпях и на горизонте. Костяки этих погребений лежали в скорченном положении и сопровождались обычным небогатым могильным инвентарем, среди которого преобладали глиняные сосуды баночной формы. Погребения этого типа являются весьма характерными для поздней бронзы наших юго-восточных степей.

Следующая группа погребений относится к сарматскому времени и датируется I—III вв. н. э. Они были находимы иногда в могильных ямах прямоугольной формы, иногда в могилах с подбоями. Для некоторых погребений этого типа были использованы более ранние курганы—бронзовой эпохи. Черепа костяков в некоторых случаях несут следы деформации. В состав могильного инвентаря входили: глиняные сосуды в виде горшков, кувшинов и мисок, иногда лощеных, железные короткие мечи с прямым перекрестием и кольцевидным навершием, железные мелкие трехгранные черенковые наконечники стрел, ножи, бронзовые фибулы, зеркала, бусы. Погребения сопровождались обычно костями овцы.

К более позднему времени (VII—IX вв.) относится кочевническое погребение, костяк которого находился в гробу-колоде, поставленном в подбое, за пределами которого, во входной яме, были положены голова и ноги коня. При костяке были остатки сложного лука 1,45 м длины, от которого сохранились костяные обкладки, колчан из бересты с 14 железными наконечниками стрел, железные и бронзовые пряжки, обоймы, кодыца, костяные пряжки.

Наиболее поздним из исследованных памятников было погребение золотоордынской эпохи XIII—XIV вв.

Далее на юг, в долине р. Маныча, работала экспедиция под руководством Г. В. Подгаецкого. Экспедиция продолжила работы, начатые в предшествующие годы, по изучению памятников на территории строительства Манычского канала. Плотина, преграждающая течение р. Маныча у хутора Веселого (того же района), своим южным концом должна была разрушить курганную группу, состоящую из трех насыпей. Эти три кургана и были раскопаны в 1937 г. Один из них имел значительную высоту—4 м, остальные были меньших размеров. Всего в этих курганах было вскрыто 24 погребения. Основные из них относились к эпохе бронзы. Они помещались в большом кургане—в грунтовой яме, а в малых—в катакомбах. Костяки находились в скорченном положении и сопровождались сосудами, в небольшом количестве—украшениями и костями животных. Следует отметить факт деформации черепа одного из костяков. Деформация черепов хорошо известна в памятниках более позднего времени и лишь за последние годы была установлена в погребениях бронзовой эпохи. Данный случай является третьим по счету, причем все они наблюдались в долине р. Маныча. Остальные погребения относятся к скифо-сарматскому времени. Одно из них заслуживает внимания по своему могильному инвентарю. Оно было впущено в насыпь кургана, содержащего погребение эпохи бронзы. Костяк лежал в вытянутом положении и сопровождался двумя сосудами, из которых один был чернолаковый, железными кинжалом и ножом, бронзовой поясной ажурной бляхой с изображением верблюда, круглой железной пряжкой и оселком. Датируется погребение III—II вв. до н. э.

В Краснодарском крае в 1937 г. был проведен ряд археологических работ. М. А. Миллером произведена была разведка на Тонком мысу близ Геленджика. Здесь было обследовано шесть курганных групп, повидимому, однокультурных. Один из курганных могильников (№ 1) состоит из близко одна к другой расположенных насыпей высотой 0,70—1,20 м, общее число которых достигает сотни. Основания насыпей обычно окружены каменными плитами, поставленными на ребро; иногда плиты, также образующие круг, помешены горизонтально. Посредине такого круга, на небольшой глубине 0,20—0,50 м. находится гробница—ящик из каменных плит, содержащий погребение. В этой курганной группе было вскрыто 5 гробниц, содержащих остатки 9 костяков. Установлена одновременность погребений, т. е. использование старых гробниц для более поздних погребений. Костяки сопровождались глиняными сосудами, обычно формы кувшина или амфоры, железными ножами, огнивами, наконечниками стрел, кольцами, пряжками, бусами и др.; при одном погребении были обнаружены остатки железного шлема. Исследователь определяет погребения, как принадлежащие черкесскому племени натухайцев, и датирует их промежутком времени XII—XVII вв.

Значительные работы как разведочного, так и раскопного характера были проведены в Краснодарском крае под руководством Н. В. Анфилова. Раскопки производились на ранее открытом могильнике № 2 ст. Усть-Лабинской.

На вскрытой площади в 195 кв. м было обнаружено 47 погребений, которые исследователь делит на три хронологические группы: 1 (VI—V вв. до н. э., 2) IV—II вв. до н. э. и 3) I—II вв. н. э., отличающиеся друг от друга как ритуальными особенностями, так и характером могильного инвентаря. Группа первая, включающая в себя небольшое число могил, представлена погребениями чаще в вытянутом, реже в скорченном положении, ориентированными преимущественно на юг. Инвентарь состоит из лепных сосудов, чашек, мисок, кувшинов и горшков, железного наконечника копья, бронзовых проволочных браслетов, бронзовых серег и пр.

Преобладающей по численности является вторая группа, в которую входят 25 погребений. Они сопровождались сосудами, из которых лишь горшки были лепными, остальные сделаны на гончарном кругу; к ним относятся кувшины разных форм и величины, канфары, трехручные чаши, скифосы, миски, иногда с крышками, и др. Из остальных предметов инвентаря надо отметить железные дротики, наконечники копий

и стрел, ножи, удила, а также предметы украшения, как бусы, височные кольца, браслеты, кольца, бляшки от поясов и зеркала. Особенностью этой группы погребений были сопровождающие некоторых из них остовы лошадей; в одном случае были обнаружены в могиле вместе с человеческим костяком четыре конских скелета, в другом—один.

Третья группа представлена небольшим числом погребений, инвентарь которых близок к инвентарю погребений второй группы, давая лишь некоторые хронологические отличия, позволяющие датировать эти погребения более поздним временем.

Небольшие пробные раскопки были поставлены на городище № 3 ст. Усть-Лабинской. Раскопом была выяснена стратиграфия городища, культурный слой которого достигает мощности в 3 м. По структуре и характеру находок он расчленяется на три наслоения: нижнее—относящееся к скифскому времени, среднее—к эллинистическому периоду и верхнее—к римскому.

Следующей работой этой же экспедиции было обследование низовьев р. Кубани.

Первым объектом работ здесь было городище, расположенное в 10 км от ст. Варениковской, близ Семибратных курганов. Было обнаружено, что разрушению подвергалось здание четырехугольной формы, стены которого были сложены из массивных рустованных плит ракушечного известняка. На городище был собран подъемный материал. Исследователь не имел возможности без постановки больших раскопок определить все время существования древнего города, но все же устанавливает для него дату—вторая половина V в. до н. э. Затем было обследовано городище в хуторе Батарейном, Греческого района. В окрестностях городища была установлена целая система валов и рвов, составляющая вместе с ним сложный комплекс укреплений. Подъемный материал с центральной части городища относится к разным периодам: к эллинистическому времени, римскому времени и средневековью. Кроме этих двух городищ, в низовьях Кубани было обнаружено несколько селищ, относящихся к эпохе средневековья.

Большая экспедиция под руководством М. И. Артамонова была проведена в Чечено-Ингушской АССР и Дагестанской АССР. Экспедиция спланирована на несколько лет. В 1937 г. она провела рекогносцировочную работу по маршруту: Грозный-Ведено, Харачой, Анди, Ботли, Хунзах, Гуниб, Ходжал-Махи, также были обследованы окрестности г. Буйнакск. Открыто было и частично исследовано значительное число памятников, относящихся к разным эпохам. Наиболее интересным из них был могильник бронзовой эпохи у с. Харачой, где было вскрыто 22 погребения; костяки в скорченном положении находились в каменных ящиках и сопровождались глиняными сосудами, медными браслетами и височными кольцами, бусами и другими украшениями. Датруется могильник началом I тысячелетия до н. э.

Другой могильник, расположенный близ сел. Исти-Су, относится к более позднему времени и датируется серединой I тысячелетия до н. э. Костяки лежали в грунтовых ямах, иногда в скорченном, иногда в вытанутом положении. При них были глиняные сосуды разных форм, железные наконечники копий, ножи и различные украшения, среди которых интересна бляха с гравированным изображением собаки, найденная вместе с медными фибулами кобанского типа. Многие черты этого памятника связывают его, с одной стороны, со скифскими погребениями степной полосы, и с другой—с могильниками горного Кавказа.

Ко времени последнего могильника, вероятно, относится святилище в местности Кулатль у с. Карата. Здесь на вершине горы, еще до приезда экспедиции, были сделаны случайные находки: фигурка козла и фигурка человека,—обе из бронзы. В раскопе, заложенном экспедицией, была найдена еще одна аналогичная фигурка человека и наверхшие в виде железного трезубца. Еще одна бронзовая статуэтка (женщины) была найдена на вершине горы близ с. Согратль, где также предполагается наличие древнего святилища.

На берегу р. Сунжи у с. Алхан-Кала в обширной курганной группе было вскрыто 5 насыпей, под которыми обнаружены были сложные могильные сооружения в виде больших подземных камер, в которые вели узкие входные ямы в 5 м глубиной. Погребения, находившиеся в камерах, были разграблены еще в древности и о культуре памятника можно было судить лишь по случайно уцелевшим после ограбления отдельным предметам могильного инвентаря. Были найдены глиняные сосуды, бронзовые фибулы, мелкие золотые нашивные бляшки, золотые подвески со вставками из цветных камней, египетский скарабей и др. Эти вещи датируются II—III вв. н. э.

У с. Каранай были вскрыты три каменных подземных склепа, содержащих погребения, при одном из которых были найдены два полных конских остова. Склепы датируются V—VI вв. н. э.

Последним исследованным памятником был могильник у с. Дуба-Юрт на р. Аргуни, где было раскопано 8 катакомб с богатыми погребениями IX—X вв. Катакомбы захоронивались разновременно и некоторые из них содержали до шести костяков. При погребенных были найдены железные топоры, ножи, глиняные сосуды и большое число личных украшений, как-то: бус, браслетов, перстней, подвесок, а также зеркал и богатых поясных наборов.

Кроме перечисленных, экспедицией было открыто и обследовано большое количество памятников, относящихся ко времени домусульманского средневековья: поселения и связанные с ними грунтовые могильники, а также памятники христианского культа.

На территории Грузинской ССР в причерноморской части Абхазии С. Н. Замятиным продолжались работы по изучению палеолита. В 1937 г. исследовалась пещера близ с. Ахштырь. Раскоп в 60 кв. м был заложен на второй площадке пещеры. Мощность наслоений, содержащих культурные остатки, достигала местами 5 м.

Нижние слои относятся к мустьерскому времени и содержали кремни соответствующих форм и кости животных, среди которых отмечается пещерный медведь. Вышерасположенные культурные слои относятся к верхнепалеолитическому времени, позднему неолиту, первым векам нашей эры и средневековью.

В Абхазии же Б. А. Куфтиным производились исследования долменов в Кюр-Дере, Эшерского сельсовета. Удалось установить, что долмены служили для погребений в три последовательных периода: в древнейший период, в инвентарь которого входили из металлических вещей исключительно медные, затем в раннекобанское время и, наконец, в античную эпоху.

На территории Крымской АССР и в прилегающей к ней части Украины были произведены раскопки на месте древних античных городов на Керченском полуострове, в Херсонесе и в Ольвии.

Керченская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича продолжала начатые в предшествующие годы работы в двух пунктах: в 11 км от г. Керчи на месте древнего города Тиритаки и в 4 км от Керчи—на городище Мирмекия.

Раскопками 1937 г. в Тиритаке в слоях римского времени были открыты 14 цементованных ванн, в которых производилась засолка рыбы. Таких ванн в предшествующие годы было вскрыто около 30 шт. Это служит указанием на то, что Тиритака была крупным рыбопромышленным центром. На ее торговое значение указывает находка, сделанная экспедицией в этом же году: был найден закопанный в землю глиняный кувшин, содержащий 2 000 монет, относящихся преимущественно ко времени царя Рескупорида V. Клад этот, как можно предположить, обязан своим происхождением имевшим место в жизни города этого времени вторжениям варваров. К античной же эпохе относятся две интересные находки из раскопок экспедиции: мраморный торс Диониса со шкурой барса позднеэллинистического времени и обломок мрамора с высеченной на нем надписью I в. н. э. В юго-восточной части городища были открыты остатки—фунда-

мент и части стен трехнефной базилики VI в. н.э. При раскопках этого сооружения были найдены его архитектурные части—капители, на одной из которых имеется изображение креста, мраморные колонны, многочисленные обломки мраморных облицовочных плиток.

На территории древнего Мирмекия раскопками была вскрыта крепостная стена VI в. до н.э., имевшая толщину 2,40 м. Стена была снабжена башнями, одна из которых была исследована. Вдоль стены обнаружена улица, выложенная щебнем, с проходящим вдоль нее водосточным каналом. Затем были открыты жилые помещения, среди которых одно, судя по печи, жерновам и т. п., было пекарней. Найдено значительное количество домашней утвари, художественных терракот, а также обломок мраморной плиты с частью стихотворной надписи IV в. до н. э.

Систематические раскопки в Херсонесе ведутся с 1931 г. Г. Д. Беловым. Работы 1937 г. производились в квартале, находящемся между двумя поперечными улицами: IX—с востока и X—с запада. Всего было вскрыто 1 500 кв. м. К классическому периоду относится некрополь, в котором вскрыто было 20 погребений, из которых 10 взрослых и 10—детских, последние в амфорах. Погребения сопровождались небогатым инвентарем и датируются V—половиной IV в. до н. э.

В слое эллинистического периода (IV—I вв. до н. э.) были открыты остатки нескольких зданий. Одно из них было, судя по монументальности постройки, мозаичному полу и остаткам штукатурки с росписью, богатым домом. Среди находок в засыпи этих зданий преобладает керамика; наиболее обычной является местного производства, но имеется и привозная из Синопы, Гераклеи, Родоса, Фасоса. Среди нескольких десятков найденных монет немногие относятся к IV в., а большинство—к III—II вв. до н. э. Между временем существования этих зданий и временем застройки этого места в римскую эпоху прошел значительный срок, на что указывает разделяющий их толстый аморфный слой. Открытые здесь постройки римского периода характеризуются особой монументальностью, большими размерами и благоустройством. Среди них открыты здания, связанные с виноделием и рыбным промыслом. Время постройки этих сооружений относится к I—II вв., перестали они существовать в IV—V вв.

Кроме памятников античности, на территории Херсонеса открыты значительные следы жизни средневековья более раннего периода—VI—X вв. и более позднего—XII—XV вв. К более раннему периоду относятся остатки нескольких домов, в одном из которых было открыто подвальное помещение, служившее кладовой. На полу кладовой было обнаружено огромное количество глиняной посуды—пифосы, амфоры, особенно много кувшинов, а также найдены в большом числе обломки белоглиняной поливной посуды, блюда, миски, тарелки. Такое количество посуды, сосредоточенной в одном помещении, по предположению исследователя, определяет назначение этого помещения, как кладовой для хранения посуды, предназначенной для продажи. К позднесредневековому периоду относится также несколько домов, из которых один выделяется и своими крупными размерами и богатством инвентаря. В его состав входили несколько помещений, кладовая с запасами продуктов питания—остатки ячменя, пшеницы, рыбы, а также баня. От последней сохранились части стен, пол, печь и отопительная система, что дает возможность хорошо изучить сооружения этого типа. К этому же периоду относится открытая раскопками небольшая часовня с двумя гробницами, расположенными внутри нее. За стенами часовни также находились связанные с нею погребения, причем в одной могиле иногда находилось по несколько костяков.

Раскопки в Ольвии, производившиеся под руководством Л. М. Славина в 1937 г., были развернуты на двух участках: в северо-восточной части верхнего города и в южной части нижнего, и явились продолжением работ, начатых в предшествующие годы. В верхнем городе исследовался некрополь, существовавший с середины VI—до конца V в. до н.э. Здесь были вскрыты 11 погребений, давшие некоторые особенности, харак-

терные для местных скифских погребений. В могильном инвентаре наиболее интересными являются расписные сосуды архаических стилей, происходящие с Родоса и Самоса. В этой же части города были вскрыты здания, относящиеся к IV в. до н. э. Одно из них состоит из 11 помещений, связанных тремя мощеными двориками. Общий характер этого строительного комплекса, находки алтариков из известняка и терракот культового значения позволяют предположить, что здание играло роль общественного места.

В южной части города было закончено изучение большого здания пекарни I—III вв. н. э. В нем было 12 отдельных помещений, в семи из которых находились печи большого размера; в других помещениях были найдены крупные пифосы и амфоры, служившие для хранения зерна и муки. На этом же участке была открыта часть оборонительной стены с пристроенными к ней жилыми помещениями. При раскопках найдено свыше 2 000 предметов, среди них 350 монет, изделия из железа и бронзы, керамика с клеймами, терракоты, сосуды и др.

Изучение памятников средневековья в Крыму производилось близ Черкес-Кермена и близ Инкермана. В первом из этих мест продолжались раскопки Эски-Керменского городища, где был вскрыт участок около 600 кв. м в восточной части города. Здесь были обнаружены нижние части стен двух зданий с подвалами, которые были вырублены в скале. Здания эти, как и вскрытые в 1936 г., погибли катастрофически, о чем свидетельствуют не только их остатки, но и факт нахождения в подвальном помещении скелетов, повидимому, обитателей дома, погибших во время пожара. Были найдены костяки мужчины, женщины и двух детей, при них золотой перстень и монеты: одна золотая византийская и три серебряных восточных. Эта находка аналогична сделанной при раскопках 1936 г., когда также в подвале найдены были скелеты мужчины, женщины и ребенка, на черепях которых были следы сабельных ударов. Монеты и другие вещественные памятники датируют время гибели домов второй половиной XIII в. и это позволяет связать разрушение города с нашествием эмира Ногая, разгромившего в 1299 г. ряд крымских городов. Кроме раскопки этих домов, в Эски-Кермене было начато исследование оборонительных сооружений города. Зачищены были постель крепостной стены и часть башен, вырубленных в скале, освобождены от завалов камней малые южные ворота и вскрыты остатки гарнизонных зернохранилищ. Крепостные сооружения Эски-Кермена возникли в V—VI вв. и позже неоднократно перестраивались и ремонтировались.

В районе Инкермана были произведены археологические работы в связи с намеренным разрушением скал Монастырской и Загайтанской, которые дали трещины и грозили обрушиться на проходящий под ними железнодорожный путь. Эти скалы заключали в себе многочисленные пещерные сооружения, а бровки скал были перекрыты культурными отложениями бывшего здесь города Каламиты. Было зачищено, обмерено и описано 140 пещерных сооружений различного назначения—жилых домов, храмов, хозяйственных сооружений. В пещерных храмах было установлено под побелкой наличие хорошо сохранившейся фресковой росписи конца XII в. Общая дата этих сооружений—XIII в. На Монастырской скале были вскрыты основания построек г. Каламиты, начало которого может быть отнесено к VII—VIII вв.

В Азиатской части СССР, как в Сибири, так и в Союзных республиках Средней Азии, также произведен ряд археологических исследований.

В Восточной Сибири А. П. Окладниковым продолжались работы, начатые в 1936 г., по археологическому обследованию долины р. Ангары. В 1937 г. был сделан маршрут по нижнему течению Ангары от г. Братска до с. Стрелки (место впадения Ангары в Енисей). В результате было открыто одно палеолитическое местонахождение у д. Мозговой (Верхняя Кольма), 85 неолитических стоянок, между которыми одна, расположенная на о. Каменном, дала неолитическую мастерскую—место выработки каменных

и костяных орудий, а также свыше 50 неолитических и энеолитических погребений. Погребения представляют особый интерес, главным образом, в отношении богатства и своеобразия могильного инвентаря. Эти погребения были открываемы на протяжении всего маршрута. Обычно они прикрыты каменными кладками и дают иногда трупосожжения, иногда труположения. В состав инвентаря входят каменные орудия: нефритовые долота, топоры из сланца, наконечники копий и стрел, парные лопатки (для обработки древков стрел); костяные остроги и пластины от лука усиленного типа, различные украшения из нефрита, как подвески, кольца, украшения головного убора и т. п.; сравнительно редкие поделки из меди—листовидный кинжал, игла в костяном игольнике, пластинки. Среди находок следует отметить скульптурное изображение лося из рога, близкое по своей реалистической трактовке к подобному же известному изображению, происходящему из Базаихи на Енисее.

К более позднему времени относятся погребения, открытые близ Соснового Быка, ниже Мурского порога. Они сопровождалась бронзовыми трехперыми и костяными наконечниками стрел, медным кинжалом без рукоятки, гарпунами и глиняными круглодонными сосудами с тонкими налепными поясками. С этими погребениями связаны и места поселений, где вместе с керамикой, аналогичной находимой в погребениях, были открыты следы примитивной выплавки железной руды. Совокупность этих признаков позволяет относить весь комплекс этих памятников к особой таежной культуре раннего железа.

Писаницы, открытые во время обследования, дают разнообразные и разновременные изображения.

Другим районом работ были окрестности с. Н. Буреть, где в предыдущем году была открыта верхнепалеолитическая стоянка. Здесь была произведена шурфовка, выяснено распространение культурного слоя на площади около 500 кв. м, обнаружены были остатки трех жилищных комплексов, сопровождавшихся костями мамонта, северного оленя и лошади.

В 1937 г. продолжали М. М. Герасимовым проводившиеся в течение последних лет раскопки известной палеолитической стоянки у с. Мальта на р. Бедой близ г. Иркутска. Помимо вскрытия площади в 80 кв. м, на которой были обнаружены остатки большого жилища в виде полуземлянки и были обнаружены обычные для этой стоянки кремневые орудия и изображение летящей птицы, сделанное из кости, была проведена разведка на распространение культурного слоя этой стоянки к югу и северу от места раскопок. Было выяснено, что культурные остатки, характеризующие стоянку, имеют распространение вверх по реке к северо-западу от места прежних раскопок; общая площадь, занятая культурными остатками, равняется 500 кв. м.

Кроме работ на Мальгинской стоянке, была произведена разведка на нижнем течении р. Белой на стоянке Усть-Белая, где имеется несколько разновременных культурных напластований. Наиболее интересным представляется нижний слой, содержащий остатки поздней так наз. Бадайской стадии сибирского палеолита. Раскоп площадью в 70 кв. м обнаружил в этом слое семь кострищ с сосредоточенными вокруг них кремнями и костями животных. Найдены крупные скребки, нуклеусы, мелкие скребки, костяные плоские гарпуны; кости принадлежат благородному оленю, косуле, волку и бобру.

В предгорьях Северо-западного Алтая А. П. Марковым было проведено обследование по маршруту г. Бийск—с. Смоленское и далее по течению р. Песчаной до с. Солонки. На протяжении этого маршрута был зарегистрирован ряд памятников, главным образом, курганов. В курганной группе близ с. Солонки было раскопано шесть курганов, из которых два, давшие нетронутые погребения, следует отметить. В кургане № 1 этой группы было обнаружено погребение через трупосожжение, которое сопровождалось комплектом предметов вооружения; в него входили железные меч, топор, наконечники стрел и удила. Погребение датируется VIII—X вв. н. э. Курган № 4

содержал женское погребение с конем, сопровождавшееся костяными втульчатými наконечниками стрел, глиняным сосудом и бронзовой пряжкой. Умершая, повидимому, была завернута в покрывало, от которого сохранились 179 тонких золотых нашивных бляшек в форме квадратиков и прямоугольников. Дата погребения II—I вв. до н. э.

В Казахской ССР, в Қалбинских и Нарымских горах (Восточно-Казахстанская обл.), были проведены А. А. Иессеном и С. С. Черниковым работы по изучению памятников древнегo горного дела и металлургии. Эти работы служили продолжением начатых в 1935 г. Обследован был район, расположенный по Иртышу, ниже Усть-Каменогорска, затем южная часть Қалбинских гор и далее правый берег Иртыша в районе Нарыма. Был открыт и изучен ряд месторождений оловянного камня, разрабатывавшегося в древности, изучалась техника проходки горных выработок. Работы этого года, так же, как и 1935 г., не обнаружили мест выплавки металла, что заставляет предположить о доставке олова в руде в районы добычи меди, где производилась совместная плавка медной и оловянной руд. Наблюдения, произведенные во время работ, позволяют датировать калбо-нарымскую древнюю добычу олова I тысячелетием до н. э.

Кроме работ по древнему горному делу, в пройденных районах был произведен учет и обследование ряда других памятников, среди которых представляют большой интерес некоторые из писаниц.

В пределах Узбекской ССР были произведены Г. В. Григорьевым раскопки древних поселений разного времени; у г. Ташкента работы проводились на городище Коунчи-Тепа, где было установлено два культурных слоя. Верхний слой, мощность которого достигала 4 м, относится ко времени раннего железа, т. е. к середине I тысячелетия до н. э. В нем были открыты в большом количестве обожженные зерна пшеницы и ячменя, кости козы, овцы, лошади, коровы, свиньи, верблюда и собаки, глиняные сосуды, носящие на себе изображения животных, чаще всего барана, а также наконечники стрел и дротиков, каменные молотки и др. Нижний слой относится к эпохе бронзы; среди поделок преобладают сделанные из рога благородного оленя: мотыги, наконечники стрел и копий, рукоятки орудий. Кости животных принадлежат корове, лошади и овце. Керамика—с отпечатками ткани на внутренней стороне сосудов. Сравнительно с верхним слоем нижний занимает меньшую площадь и значительно уступает ему в мощности.

Другим исследованным памятником было городище Тыла-Боргу близ г. Самарканда, представляющее из себя многослойное поселение, существовавшее с VI в. до н. э. до VIII в. н. э. Наиболее древние слои по своему содержанию связываются, с одной стороны, с материалами верхнего слоя Коунчи-Тепа и, с другой,—со слоями бронзовой эпохи городища Анау. Вышерасположенный слой характеризуется эллинистическими чертами: терракотовые статуэтки, энохея и др. Выше лежат слои, относящиеся к первым векам нашей эры. Слои VI—VII вв. н. э. дают керамику, которая повторяет своими формами и орнаментацией сасанидские серебряные сосуды. Самые верхние слои датируются монетами с согдийскими письменами. Каждому из этих наслоений соответствуют особые архитектурные комплексы, состоящие из глинобитных сооружений.

В. Гольмстен

Изучение древней истории в Институте востоковедения Академии наук СССР

Институт востоковедения в течение ряда лет ведет научно-исследовательскую работу в области изучения древней истории стран народов советского и зарубежного Востока. Образованием исторического сектора институт объединил работу востоковедов-историков и подчеркнул ее актуальное значение. Во всех кабинетах института ис-